

Социальные настроения молодых петербуржцев*

З. В. Сикевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Сикевич З. В. Социальные настроения молодых петербуржцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 374–392.

<https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.402>

Представлен эмпирический анализ социальных ожиданий и настроений современного молодого поколения на примере Санкт-Петербурга. Изучение рассматриваемого феномена базируется на трех исследованиях, проведенных под руководством автора в 1996, 2011 и 2019 гг. В основу статьи положены данные исследования 2019 г. — 153 чел. (СПб., возрастная группа 18–29 лет, выборка квотная по полу, все респонденты русской национальности). При составлении опросного листа использовались авторские методики, в частности методика символических ассоциаций с последующим контент-анализом вербальных конструкторов. В основной части статьи на основе эмпирических данных исследований продемонстрирована динамика изменений в социальных настроениях молодых людей. Изменения коснулись восприятия базовых для национальной идентичности понятий «Россия», «российское государство» и «российская власть». Если в отношении к России как к Родине динамика практически отсутствует, то в оценочных представлениях о государстве и власти наблюдаются существенные изменения. В отношении к власти зафиксирован рост протестных настроений, что обнаружено в ходе контент-анализа символических ассоциаций в исследовании 2019 г. по сравнению с исследованиями 1996 и 2011 гг. В историческом сознании молодежи присутствует позитивная динамика представлений о дореволюционном и советском периоде на фоне отсутствия динамики представлений о современном российском обществе. При сравнении «советского общества» и «современного общества» зафиксированы изменения в символических ассоциациях в сторону увеличения численности ассоциаций, связанных с взаимоотношениями людей, и уменьшения числа политических ассоциаций. Приводятся эмпирические данные по содержанию национальной идеи, высказанные молодыми людьми. Иллюстративный материал включает таблицы и гистограммы.

Ключевые слова: социальное настроение, социальное ожидание, национальная идентичность, поколение, взаимоотношения, национальная идея, государство, символическая ассоциация, контент-анализ.

Постановка проблемы

На первый взгляд, понятие «настроение» не воспринимается в качестве научной категории. Между тем именно настроения, если они носят социальный характер, во многом обуславливают не только самочувствие индивида или группы, но и социальное поведение в целом. Первоначальный вклад в изучение социально-

* Выполнено по гранту РФФИ, проект № 19-011-00219 А «Модель соотношения виртуальной и реальной этничности».

го настроения в отечественной науке внесли психологи [1–3], позже к нему обратились и социологи [4–6]. Особенность этого феномена состоит в том, что он располагается на пересечении социальной психологии и социологии и, таким образом, его исследование носит междисциплинарный характер [7–10].

По мнению Ж. Тощенко, с которым можно согласиться, социальное настроение — это «целостная форма жизнеощущения, доминантная форма реального функционирования общественного сознания и поведения, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивида, социальных групп, населения, различных организаций и институтов социальных установок, социальных целей и интересов» [11]. Зарубежные исследователи изучают социальные настроения в сети Интернет в рамках сентимент-анализа (т. е. через изучение эмоциональной окраски высказываний в Интернете на определенную тему) [12]. Методология этого подхода содержится в работе [13]. Кроме этого, в англоязычных работах социальные настроения исследуются в рамках социологии потребления [14], в анализе политических [15] и миграционных процессов [16].

На операциональном уровне применительно к нашему подходу социальное настроение представляет собой определенное состояние чувств и умов, типичных для конкретной группы в конкретный период времени, которое, отражая определенное мировосприятие, прямо или косвенно влияет на степень устойчивости общества, уровень его толерантности/конфликтности. Причем это эмоциональное состояние далеко не всегда осознается субъектом социальных настроений, хотя и определяет его отношения и поведение. Следует учитывать и то, что социальное настроение «переменчиво» и нередко представляет собой моментальную, эмоционально окрашенную, психологическую реакцию на некое событие внешней, социальной среды.

Негативное настроение (пессимизм, апатия, депрессия) может стать социально-психологическим механизмом массовых антиобщественных явлений и движений, особенно характерных для молодого поколения. Именно поэтому этот феномен особенно важно рассмотреть применительно к молодежи.

На наш взгляд, социальное настроение младшей возрастной группы населения России обусловлено следующими факторами:

1. *Принадлежностью к определенному поколению* (в 2019 г. вторая постсоветская генерация). С одной стороны, современная российская молодежь, в отличие от советской, в полной мере открыта миру, встроена в него благодаря необъятным возможностям виртуального общения и познания. С другой стороны, представление об СССР и советском образе жизни у этого поколения носит опосредованный характер, что облегчает манипуляцию его восприятием и оказывает косвенное влияние на отношение к современному государству и власти. В отличие от современной молодежи, молодое поколение 1990-х годов еще имело опыт «советского детства» и формировалось в условиях доминирования негативной оценки советского периода. Эта особенность обусловила обнаруженную нами динамику установок и настроений.
2. *Противоречивостью системы ценностей*. Данные наших исследований [17] убедительно демонстрируют внутреннюю противоречивость образов, стереотипов и представлений молодежи, обусловленную сочетанием традиционной, советской и либеральной «картины мира». В связи с этим наблю-

дается своего рода культурный конфликт, который проявляется не только в установках, но и в социальном поведении [18]. Искаженность индивидуальной и групповой «картины мира» отражается в социальных настроениях молодого поколения и экстраполируется им на оценки предлагаемых моделей общественного развития.

Эмпирическая база исследования

Наше изучение феномена социальных настроений молодежи базируется на трех исследованиях, проведенных под руководством автора в 1996, 2011 и 2019 гг. коллективом лаборатории этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ. Метод — прямой анкетный опрос. Выборка — квотная районированная. Для статьи в исследованиях 1996 и 2011 гг. вычленена младшая возрастная группа в возрасте от 18 до 29 лет.

В основу статьи положены данные 2019 г. — 153 человека (Санкт-Петербург, возрастная группа 18–29 лет, выборка квотная по полу, все респонденты русской национальности). С учетом того, что все участники опроса имели незаконченное высшее (студенты) и высшее образование выводы с определенностью можно экстраполировать только на эту когорту молодого поколения.

Для сравнения в ряде случаев привлекаются данные следующих опросов населения Санкт-Петербурга (квотная выборка по полу, возрасту и уровню образования):

1996 г. — 571 человек (лица в возрасте 18–29 лет — 152 человек, 26,4 % от выборочной совокупности);

2011 г. — 489 человек (лица в возрасте 18–29 лет — 126 человек, 25,8 % от выборочной совокупности).

Одной из задач исследований, посвященных системе ценностных представлений петербуржцев, стало выявление содержания и общей направленности социальных настроений россиян в форме экстраполяции этих настроений на оценку прошлого и настоящего в развитии российского общества.

Исходя из теоретического положения о том, что социальное настроение не всегда рефлексировано, нами были разработаны специальные методики, которые легли в основу инструментария, в частности методика символических ассоциаций и методика незаконченных предложений с последующим контент-анализом [19]. Формулировка вопросов во всех трех исследованиях идентична.

Эскапизм молодежи в оценке национальной истории

История — это не просто коллективная память народа, она непроизвольно связана с настоящим и будущим, хотя это и не всегда осознается. По словам В. Ключевского, «все минувшее — только слагаемые той суммы, которую мы называем настоящим, а будущее — только ряд неизбежных следствий настоящего» [20]. Именно поэтому исторические представления и оценки наших современников непроизвольно воспроизводят умонастроения не прошлого, а настоящего.

Во всех трех исследованиях, к которым мы обращаемся, вопрос относительно прошлого был сформулирован в открытой форме, причем с опорой на эмоцио-

нальное восприятие истории. Респондентам предлагалось назвать исторические события, которые у них вызывают как чувство гордости, так и противоположные чувства — неприятия и стыда. Острая формулировка вопроса была далеко не случайной, нам были важны не столько рациональные характеристики прошлого, сколько переживания этого прошлого, которые можно было бы с полным основанием экстраполировать в нынешние времена, тем более что многие участники этих опросов не называли конкретное событие, а оценивали определенный исторический период, включая современность (табл. 1).

Таблица 1. Исторические эпохи, вызывающие положительные и отрицательные чувства (сравнительные данные 2011 и 2019 гг.) (в % к итогу)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ	Положит. чувства (число событий / число ответов)		Отрицат. чувства (число событий / число ответов)	
	2011	2019	2011	2019
Период до 1917 г.	34,3 / 27,0	54,8 / 37,5	20,1 / 10,3	16,7 / 10,1
Период советской власти	50,1 / 63,9	33,8 / 56,5	32,6 / 45,2	28,8 / 39,4
Постсоветский период	15,6 / 9,1	11,4 / 6,0	47,3 / 44,5	54,5 / 50,5
ИТОГО	100	100	100	100

И с т о ч н и к : авторские данные.

В ходе контент-анализа перечисленные респондентами события, вызывающие как положительные, так и отрицательные чувства, были распределены по трем рубрикам, причем отдельно суммировалось число событий и число ответов.

Как видим, молодые респонденты 2019 г. значительно сильнее, чем их ровесники 2011 г., гордятся дореволюционной историей, слабее — событиями советского периода и примерно в равной мере (лишь каждый 11–12 респондент) положительно оценивает новейшую историю после распада СССР.

Наиболее знаковое событие новейшей истории («победа демократии») в 2019 г. вызвало положительные чувства только у трех человек (в 2011 г. — у 10 молодых людей), в то время как события советской истории в совокупности наполняют чувством гордости более половины опрошенных молодых людей (по числу ответов). Примечательно, что уже в 1996 г. эмоциональная ориентация на советскую историю по сравнению с новейшей доминировала, тем не менее 11 % молодых респондентов при всей ретроспективности исторического самосознания гордились «августовской революцией», «возрождением России», «выбором демократического пути», «свободой слова» и т. п. Сегодня эти символы 1990-х годов в глазах молодежи изрядно потускнели.

Высокая доля ответов по советскому периоду сконцентрирована вокруг победы в Великой Отечественной войне и космических достижений. Однако и здесь как по числу ответов, особенно по числу событий, мы видим сокращение числа положительных оценок. Если в 2011 г. многие респонденты детализировали историю победы («оборона Москвы», «Сталинградская битва», «Курская битва», «взятие Берлина» и т. п.), то в опросе 2019 г. молодые люди ограничиваются общим

упоминанием победы в Великой Отечественной войне. Исключение составляет «освобождение Ленинграда от блокады», что естественно с учетом места проведения опроса. Примечательно и то, что, в отличие от опросов 1996 и 2011 гг., вместо утвердившегося наименования войны в нашей стране треть молодых людей использует понятие «победа во Второй мировой войне».

Заметнее всего изменилось отношение к периоду революции и Гражданской войны. В исследовании 1996 г. в числе событий, вызывающих чувство гордости, революция занимала второе место по числу ответов после победы в войне (19,4 % респондентов в возрасте 18–29 лет; ср.: пенсионная группа — 35,1 %). В 2011 и 2019 гг. это событие вызывает положительные эмоции у менее чем 2 % молодых респондентов (соответственно 1,7 и 1,9 %). Кроме этого, уже в 2011 г., но особенно в 2019 г. эти события в целом слабо актуализированы в памяти, а если и вспоминаются, то исключительно с негативной оценкой (так, 4 % опрошенных молодых мужчин в 2019 г. причислили революцию и Гражданскую войну к событиям, вызывающим чувство стыда).

Сталинские репрессии присутствуют в списке «постыдных» событий во всех исследованиях начиная с 1996 г. Стоит, однако, обратить внимание на то, что число молодых респондентов, негативно оценивающих этот факт отечественной истории, сокращается (1996 г. — 41,1 %; 2011 г. — 32,6 %; 2019 г. — 24,4 %). Как мы видим, сокращение это существенное и, на мой взгляд, косвенно отражает, во-первых, деполитизацию молодежного сознания, во-вторых, частичную «реабилитацию» сталинского периода истории СССР.

Динамика положительной оценки наблюдается только в отношении истории дореволюционного периода, более половины событий, которые с гордостью вспоминают молодые респонденты 2019 г., произошли до Октября.

Это события, связанные с эпохой Петра (причем «петровские победы» упоминаются чаще, чем «реформы»: «основание Санкт-Петербурга», «строительство флота», «Полтавская битва», «Гангутская битва» и др.). В определенной степени этот факт связан с местом проведения опроса и территориальной идентичностью респондентов. Обращает внимание, что 3,1 % молодых людей в 2011 г. и 4,3 % участников опроса 2019 г. гордятся «всей историей России до 1917 года». В отношении советской и новейшей истории подобные мнения отсутствуют.

В историческом сознании участников всех трех опросов, которые мы привлекаем для сравнения, закрепились, условно говоря, ценность «державности»: положительные чувства вызывают в первую очередь победы русского оружия («Ледовое побоище», «Куликовская битва», «изгнание поляков ополчением Минина и Пожарского», «оборона Севастополя в 1854 г.», «русско-турецкие войны» и др.) В этом ряду неизменно доминирует победа над Наполеоном и победа над Германией 1945 г.

В исследовании и 2011 г., и особенно 2019 г. негативные эмоции молодых людей концентрируются вокруг отношения к новейшей истории, причем не столько упоминаются события, сколько оценивается государственная политика («экономическое положение людей», «закон об Интернете», «закон о пропаганде гомосексуализма», «преследование ЛГБТ-сообществ», «нарушения на выборах», «разгон митингов», «создание Росгвардии» и т. п.).

Вызывает чувство стыда «выступление на Олимпиаде под белым флагом» и «постоянный обман народа». Как мы видим, это упреки в сторону власти, но не

державы (так, «воссоединение с Крымом» приветствуют 4,9 % респондентов, а называют его «оккупацией» всего два человека).

Обратимся к модальным историческим событиям, которые упоминают более чем 5 % участников опроса 2011 и 2019 гг. (табл. 2).

Таблица 2. Модальные события национальной истории, вызывающие положительные и отрицательные чувства¹

Вызывают положительные чувства	%		Вызывают отрицательные чувства	%	
	2011	2019		2011	2019
Победа в ВОВ	86,0	38,8	Сталинские репрессии, ГУЛАГ	32,6	24,4
Полет Гагарина	51,9	25,6	Современная политика в РФ	7,5	20,8
Достижения науки	3,2	12,2	Экономическое положение людей в современном обществе	6,7	15,3
Спортивные достижения	4,1	11,1	Крепостное право	4,1	7,8
Петровские реформы	15,7	10,6	Гражданская война	8,6	7,1
Основание Петербурга	10,1	9,6	Перестройка	12,1	6,9
Победа в войне 1812 г.	21,3	5,5	Распад СССР	21,3	6,6
Отмена крепостного права	10,0	5,5	Война в Афганистане	10,0	5,6

И с т о ч н и к : авторские данные.

По сравнению с опросом 2011 г., победа в ВОВ и полет Гагарина, хоть и продолжают занимать ведущие места по предпочтению в опросе 2019 г., но фигурируют в ответах значительно меньшего числа молодых людей. Современная молодежь больше гордится спортивными и научными достижениями, в своих ответах со знаком «плюс» она скорее аполитична, что противоречит сохраняющейся ценности державы.

Критическое отношение к власти за восемь лет заметно возросло (почти в три раза), а распад СССР и перестройка вызывают значительно меньше эмоций, чем у предшествующего поколения. Характерно, что уже в 2011 г. о распаде СССР сожалели главным образом представители старших поколений (ср.: группа лиц старше 60 лет — 32,4%; группа лиц 18–29 лет — 19,1%).

Нынешняя молодежь настроена по отношению к власти заметно негативнее, чем их предшественники. Характерно, что устойчивая ценность «державности» обращена в прошлое — имперское и советское, современному государству в утверждении этой ценности молодежь отказывает.

Итак, можно констатировать, что историческая память как элемент национальной консолидации внутренне противоречива и подвержена временной дина-

¹ В таблицу включены события, названные более, чем 5 % респондентов.

мике, причем неблагоприятной для действующей российской власти. Этот факт косвенно отражает общую направленность социальных настроений молодежи, которые пока еще носят характер пассивного неодобрения, но не активного протеста.

Какое общество лучше — советское или современное?

Настроения, связанные с исторической ретроспекцией, подтверждаются сравнением современного и советского общества в представлениях молодых людей. Во всех трех опросах (1996, 2011 и 2019 гг.) респондентам предлагалось написать первых три слова, которые вспоминаются в связи с жизнью при советской власти (советское общество), а также три слова, которые приходят в голову в связи с жизнью в современном обществе. Полученные ответы были сгруппированы и классифицированы посредством процедуры контент-анализа (табл. 3).

Таблица 3. Рубрики контент-анализа советского и современного российского общества

Рубрики	% ассоциаций по рубрике			
	Советское общество		Современное российское общество	
	2011	2019	2011	2019
Государственное устройство и идеология	27,1	32,3	36,8	25,4
Качественные характеристики общества	23,1	22,6	30,3	30,4
Качества и отношения людей	17,1	16,3	5,8	25,1
Образ жизни и предметный мир	17,9	12,1	7,3	5,7
Персоналии	3,0	5,9	5,6	4,9
Социальные группы	3,6	5,6	5,6	2,9
Образные оценки	4,2	2,8	2,0	2,6
События	4,0	2,4	6,6	3,0
Негативные оценки от общего числа ассоциаций	39,8	31,4	50,4	56,1

Источники: авторские данные.

Как видим, распределение ответов по рубрикам контент-анализа, за исключением темы «качества и отношения людей» (современное общество), изменилось незначительно. Негативные ассоциации в обоих опросах по отношению к современному государству по сравнению с СССР преобладают.

Обратимся к содержанию характеристик по тем разделам, которые отражают сравнительное восприятие советского и современного общества в контексте преобладающих социальных настроений.

В связи с **советским государством** в обоих опросах возникала ассоциация с КПСС (съезды, парткомы, партбилеты), а также отдельными политическими институтами советской власти, в частности ВЛКСМ, пионерия, КГБ. По сравнению с исследованием 1996 г. понятия, включенные в эту рубрику, чаще носят оценочный, причем негативный, характер (в частности, несвобода, режим, железный занавес, консерватизм, тоталитаризм и т.п.). Однако «сталинские застенки» и «ГУЛАГ», возникавшие в ассоциативной памяти еще в 2011 г., но особенно в 1996 г., в последнем по времени опросе полностью отсутствуют. Негативные коннотации связаны с «ограничениями», «изоляция», «единообразием», «тусклой» жизнью.

В целом образ советского государства относительно благостный. В связи с ним возникают, в частности, такие ассоциации, как «благополучие», «успешность», «прогресс», «победа», «светлое будущее». В советском государстве поддерживались «порядок», «дисциплина», люди знали и выполняли свои «обязанности». Если у старших возрастных групп (опрос 2011 г.) подобное восприятие, скорее всего, связано с особенностями психологии — помнить о хорошем, «стирая» плохое, то у молодежи — это результат мифологизации советского общества, которая усилилась в последние годы.

Что касается **общества**, то его важнейшим достоинством в советский период, по мнению молодых петербуржцев, была **стабильность**, которая ассоциируется у опрошенных со спокойствием и безопасностью.

Подобное качество общества формировало у людей чувство коллективизма, единства, общности, взаимопомощи, сплоченности, братства, взаимного доверия и чувства плеча, т. е. групповую идентификацию. Советских людей, по мнению молодых респондентов, отличала «гордость», «стойкость» и «вера».

В качестве **недостатка** советского общества вспоминается «застой» как обратная, теневая сторона стабильности, а также группа качеств, образно характеризующих отсутствие свободы (подчинение, зажатость, забитость, угнетение, ущемление, ограничение, ложь и т. п.).

Качественные характеристики современного общества выглядят неизмеримо хуже. Единственными его **достоинствами** респондентам представляются свобода, возможность самовыражения, информированность и открытость. Характерно, что положительные черты современной жизни ценят почти исключительно студенты и специалисты с высшим образованием.

Сгруппируем основные претензии к современному государству:

- нестабильность и ее производные, а именно неопределенность, разруха, развал, распад, напряженность, кризис и т. п.;
- беззаконие, которое приводит к несправедливости, беспределу, произволу, безнаказанности, вседозволенности и т. п.;
- преступность, в частности криминал, разбой, насилие и бандитизм; коррупция и взяточничество в этом контексте рассматриваются как результат беззакония и попустительства со стороны властной элиты;
- состояние общественных отношений формирует чувство незащищенности, неуверенности и растерянности.

По сравнению с исследованием 1996 г. меньше стало сетований на нищету, бедность, низкие зарплаты и т. п. Неизмеримо больше — неприятие беззакония и коррупции, унижения достоинства людей.

Примечательно, что, судя по содержанию ответов, молодые люди не различают понятия «государство» и «общество». Во всех «бедах», по их мнению, виновата государственная система, а «общество» предстает в качестве пассивной жертвы системы. Этот факт очень точно отражает настроение опрошенной молодежи и характерно в большей мере для молодых мужчин, чем для женщин, которых волнует в первую очередь социальная несправедливость. В опросе 2019 г. по сравнению с опросом девятилетней давности содержание ответов изменилось незначительно, но вырос их количественный показатель.

Общество формирует определенного человека, поэтому нельзя удивляться тому, что у немалого числа респондентов система ассоциируется с **качествами людей**, живущих в определенных социальных условиях.

По мнению участников опроса, **советского человека отличала жизнерадостность, вера в лучшее будущее и надежда**. Коллективизм, который с малолетства воспитывали в людях, выражался в сострадании, милосердии, дружелюбии и доброжелательности по отношению к другим людям. Советского человека отличали совестливость, душевность, честность и обязательность. Люди были трудолюбивы, порядочны, преданы своим идеалам, хотя и простодушны, излишне наивны. Важными качествами советского человека респонденты сочли **целеустремленность, стойкость и жизнеспособность**.

На фоне такой оптимистической картины почти незаметными темными пятнами (всего 8% респондентов в 2011 г. и 17% — в 2019 г.) предстают пассивность, послушание, иждивенчество и апатия советского человека. Причем, судя по данным 2011 г., где учитывался половозрастной фактор, советский человек нравился и молодым, и старым, и мужчинам, и женщинам, и образованным, и необразованным участникам опроса.

Следует обратить внимание на один существенный нюанс: оценивая качества современников, участники опроса в определенной мере имели в виду и самих себя, т. е. образ современника явно самокритичен.

Достоинства современного человека сводятся к **предприимчивости, деловитости, прагматизму и трезвому взгляду на жизнь**. Вместе с тем современного россиянина отличают многочисленные недостатки, которые можно условно объединить в несколько гнезд:

- индивидуализм (эгоизм, обособленность, отстраненность, самолюбование, наплевательское отношение к другим людям);
- безответственность (разгильдяйство, стремление к халтуре и халяве);
- агрессия (жестокость, хамство, враждебность, бесцеремонность в отношениях с другими людьми);
- чувство страха, уныние, тревожность и депрессия.

Сравним модальные ассоциации относительно советского и современного общества по всем трем опросам (табл. 4, 5).

Со временем число негативных коннотаций возрастает, но главное то, что констатация определенных характеристик советского общества вытесняется образными оценками, причем как на уровне модальных ассоциаций, так и в целом по совокупности ответов. Обращает на себя внимание также изменение модальных персоналий: Ленина и Брежнева в 2011 и 2019 гг. сменяет Сталин с возрастающим числом

«приверженцев» (соответственно 5,3 и 12,1 %). Понятие «застой» и такая примета советского времени, как «карточки, талоны», исчезают. Скорее всего, потому что современная молодежь о них просто не знает, однако во всех трех опросах фигурирует «дефицит». Различия в ассоциациях во многом объясняются генерационным фактором: если молодые люди 1996 г. еще застали советскую эпоху детьми, то респонденты последующих опросов об этом времени знают лишь понаслышке, имеют о советских временах опосредованную и мифологизированную информацию.

Таблица 4. Модальные ассоциации по советскому обществу²

NN	1996	%	2011	%	2019	%
1	Партия	33,2	Пионер	27,5	Коллективизм	38,7
2	Очередь	18,6	КПСС (партия)	17,3	Коммунизм	30,6
3	Зарплата	17,0	Репрессии	17,1	Дефицит	16,0
4	Коммунизм	16,4	Дефицит	15,1	Закрытость	14,7
5	Стабильность	13,4	Карточки	14,9	Социализм	13,4
6	Дефицит	12,0	Стабильность	12,5	Сталин	12,1
7	Комсомол	10,8	Коллективизация	10,3	Репрессии	12,1
8	СССР	9,0	Колхоз, совхоз	6,3	Идеология	9,8
9	Коммунист	9,0	Пятилетка	6,3	Тоталитаризм	9,8
10	Уверенность	8,2	Застой	6,0	Равноправие	9,8
11	Демонстрация	8,0	Коллективизм	5,8	Труд	9,8
12	Ленин	7,6	План (планирование)	5,4	Единообразие	8,5
13	Брежнев	6,0	Коммунизм	5,3	Красный цвет	8,5
14	Спокойствие	6,0	Сталин	5,3	Партия	6,7
15	Колбаса	6,0	Мир, труд, май	5,2	Пятилетка	6,7
16	Талоны	5,8	СССР	5,1	Очередь	6,7
17	Застой	5,4	Уверенность, защищенность	5,1	Пионер	6,7
18	Субботник	5,2	ВЛКСМ, комсомол	5,0	Железный занавес	5,3
19	Мир	5,2	Политбюро (ЦК, пленум)	5,0	Революция	5,3
20	Пятилетка	5,0	Революция	5,0	СССР	5,3
	Негативных ассоциаций	3		4		6

Источники: авторские данные.

² Ассоциации, возникшие не менее чем у 5 % респондентов.

Таблица 5. Модальные ассоциации по современному обществу

NN	1996	%	2011	%	2019	%
1	Свобода	18,2	Путин	21,9	Коррупция	24,0
2	Безработица	17,8	Возвращение Крыма	16,3	Путин	18,7
3	Война в Чечне	16,8	Коррупция	13,5	Свобода	16,0
4	Демократия	16,4	Санкции	9,6	Возможности	12,1
5	Перестройка	13,6	Украинский конфликт	8,9	Кризис	8,5
6	Новые русские	13,0	Свобода	8,9	Мнимая, фасадная демократия	8,5
7	Бизнес	10,6	Нестабильность, кризис	6,3	Развитие	8,5
8	Беспорядок	9,2	Надежда	6,0	Бедность	8,5
9	Доллар	9,2	Доллар, евро	6,0	Разобщенность	8,5
10	Рынок	9,0	Возможности, перспективы	5,4	Индивидуализм	8,5
11	Выборы	8,6	Реформа	5,3	Неравенство	8,5
12	Инфляция	7,8	Развитие, рост	5,3	Расслоение	6,7
13	Нищета	7,8	Олигархи	5,2	Политика	5,3
14	Гласность	7,2	Демократия	5,2	Власть	5,3
15	Деньги	6,8	Газ, нефть	5,2	Свобода слова	5,3
16	Беспредел	6,4	Страх, тревожность	5,1	Национализм	5,3
17	Президент	6,2	Беззаконие, безнаказанность	5,1	Митинги, протесты	5,3
18	Страх	6,0	Патриотизм	5,0	Открытость	5,3
19	Неуверенность	5,6	Неравенство, неравноправие	5,0	Перемены	5,3
20	Мафия	5,0	Перестройка	5,0	Жестокость	5,3
	Негативных ассоциаций	8		8		10

И с т о ч н и к: авторские данные.

Сравним модальные ассоциации по трем опросам, имея в виду, что российское общество в силу продолжающейся трансформации подвержено динамике и «современное общество 1996 г.» — это не то общество, каким оно стало к 2011 г., не говоря уже о 2019 г. К тому же респонденты всех трех опросов принадлежат к различным поколениям молодежи, что тоже немаловажно.

С нашей точки зрения, наиболее примечательно исчезновение к 2019 г. понятий, которые в 1996 г. воспринимались как социальные инновации (в частности, выборы, бизнес, президент, мафия), перемещение на первое место понятия «коррупция» (в 2011 г. — третье место, в 1996 г. — отсутствует), оценочный «привесок» к понятию «демократия» (фасадная, мнимая), наконец, появление в числе модальных ассоциаций разобщенности, индивидуализма. Напомним, что среди ассоциаций, связанных с советским обществом, доминировал коллективизм. Можно предположить, что в области межличностных отношений в современном обществе, по мнению молодых людей, есть полное отрицание предыдущего опыта взаимоотношений, причем это воспринимается в целом негативно.

В заключение сравнительного анализа приведем несколько развернутых образных словосочетаний, которыми участники опроса характеризовали советские времена и российскую современность в 2019 г.

Советское общество: «Вера, надежда, любовь», «открытые сердца», «Наш паровоз вперед лети!», «Миру — мир!», «Мир, труд, май!». *В совокупности 4,2 %.*

«Оловянные солдатики», «тихое скучное болото», «обезличенная толпа, которая всего боится». *В совокупности 1,5 %.*

Современное общество: «Сотрясение воздуха», «опущенные», «общество папиков и юристов», «общество больных детей с большой душой». *В совокупности 5,9 %.*

«Яркое и вызывающее», «без розовых очков, трезво смотрящее на жизнь общество людей, умеющих красиво жить», «общество для тех, кто верит в себя». *В совокупности 4,4 %.*

Если в целом сравнивать ассоциации 1996 г. с образами, возникшими спустя 15 лет и 23 года, можно отметить следующую тенденцию: ответы 1996 г. в целом были более политизированы и явно формировались под воздействием идеологической позиции респондента — условного демократа или коммуниста. Сегодня на фоне общей тенденции бегства молодежи от политики политическая полярность ответов снизилась и одновременно возросла численность ассоциаций с восприятием образа жизни, психологической атмосферой социальных отношений, с течением так называемой частной жизни. Вообще сегодняшние ответы не только рефлексивнее, но и эмоциональнее.

Таким образом, можно констатировать, что социальное настроение молодежи в отношении современного общества носит критический характер, преимущественно пассивного несогласия с действиями органов власти. Вместе с тем, в отличие от опросов 1996 и 2011 гг., появляются коннотации активного поведения, выраженные, в частности, в таких характеристиках, как «митинги», «протесты», «нарушение свободы мнения», «необоснованные посадки» и т. п.

Национальная идея в представлениях молодежи

Как ни относиться к необходимости осмысления национальной идеи в современном мире, она присутствует, в открытой или латентной форме, во всех крупных государствах, несмотря на открытое общество и глобальные ценности. В российском обществе время от времени то усиливаются, то затихают дискуссии о необходимости формулировки национальной идеи, объединяющей граждан РФ независимо от возраста, политических взглядов и национальности.

Существует ли в представлениях молодежи подобная общероссийская идея, способная заполнить своего рода идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР и смены государственного строя? Не вызывает сомнения, что она, эта идея, прямо или косвенно должна отражать и ожидания, и настроения граждан, в том числе молодого возраста.

Респондентам было предложено самим сформулировать национальную идею, используя для этого не более трех слов. На этот открытый вопрос откликнулось 83,0% участников опроса, которые предложили 127 понятий (оценок), содержащихся в 284 ответах (табл. 6).

Таблица 6. Составляющие национальной идеи

Понятия и оценки	% характеристик	% ответов
Положительные	33,8	35,2
Нейтральные	13,4	21,7
Отрицательные	45,7	38,0
Противоречивые	7,1	5,1
ИТОГО	100	100

И с т о ч н и к: авторские данные.

Естественно, рубрики носят формализованный и обобщающий характер, поэтому, для того чтобы раскрыть их содержание, необходимо обратиться к конкретным вербальным конструктам.

Как видно по таблице 5, доминируют отрицательные понятия и оценки. На первый взгляд, это странно: как может национальная идея иметь негативную коннотацию? Однако, как выяснилось при рассмотрении именно этих характеристик, почти половина участников опроса сформулировала вовсе не национальную идею, а свои оценки власти и государства в форме претензий к ним. Обобщим негативные характеристики:

Критика власти и общественных отношений (расслоение, неравенство, бедность, криминальное богатство, беззаконие, коррупция, воровство и т. п.).

Отсутствие идеологии и духовности (безыдейность, бездуховность, мракобесие, тупой консерватизм, падение нравственности, аморальность, прагматизм, необразованность и т. п.).

Негативная оценка самочувствия людей (унижение, ущемление, несвобода, бесправие, несправедливость, отчаяние, страх, страдание).

Индивидуализм (каждый сам за себя, карьера за чужой счет, отсутствие взаимного доверия, нет взаимопомощи).

Примерно треть молодых респондентов предложила свой вариант национальной идеи позитивной направленности.

Наиболее насыщена понятиями рубрика *ценности*, причем либеральные ценности (свобода, демократия, гражданственность, права человека) соседству-

ют с ценностями державы (независимость, суверенность, мощь, сила, победа) и с вполне традиционными установками (равноправие, равенство, справедливость, православие и т. п.). Либеральные и «державные» ценности чаще предлагают мужчины, традиционные — женщины. За редким исключением только они выражают национальную идею в форме положительных эмоций (счастье, красота, идиллия, любовь, вера, надежда, доброта и т. п.).

Участники опроса, в основном студенты, видят национальную идею в ускорении развития страны (быстрее, выше, скорость, инновации, возможности, расширение и др.). В большинстве своем это те респонденты, которые упрекают власть в «застое», «упадке» и «загнивании».

В противовес индивидуализму в лозунгах с положительной коннотацией звучит ностальгия по групповой самоидентификации (дружба, коллективизм, единство, мы — вместе, взаимная поддержка, каждый — за всех и все — за одного, общность), которую, как уже говорилось, молодые люди считают одним из основных достоинств советской эпохи.

Сочетание понятий в некоторых формулировках настолько ярко и индивидуально, что хочется привести их полностью, не расчленяя по отдельным категориям, с указанием пола, возраста и рода занятий:

«Скорость, сам за себя, красота» (студент, 19 лет).

«Мощь, независимость, дружба» (предприниматель, 25 лет).

«Свобода, равенство, идиллия» (студентка, 20 лет).

«Независимость, сила, народ» (художник, 22 года).

«Быстрее, выше, сильнее» (студент, 21 год).

«Дорогу нашему будущему» (студентка, 18 лет).

«Все в руках людей» (педагог, 26 лет).

«Россия, Родина, вперед» (программист, 24 года).

Важно отметить, что понятия «Россия» и «Родина» фигурируют примерно в каждом третьем-четвертом ответе и это вселяет определенный оптимизм, который подкрепляют ответы на вопрос «Напишите первых три слова, которые вам приходят в голову, когда вы слышите слово “Россия”».

В целом, если сравнивать модальные характеристики 2011 и 2019 гг., символика России изменилась незначительно (табл. 7).

Как видим, Россия для молодых петербуржцев прежде всего не государство, пусть даже и подкрепляющая самоуважение великая держава («сильная», «великая»), а родная сторона, пространство, воспринимаемое в первую очередь эмоционально. Не случайно то, что такие рациональные характеристики, как культура и предметный мир, даже государственная атрибутика, по своим количественным выражениям заметно уступают природно-географическим и эмоциональным характеристикам.

Так, Россия — «бескрайняя», «огромная», «обширная», ассоциируется с «ширью», «размахом» и «масштабом». Характерно, что природно-географический образ России доминировал во всех исследованиях, где в той или иной форме изучалось представление о своей стране, причем на это предпочтение не влияли ни пол, ни возраст, ни уровень образования. Этот факт свидетельствует о влиянии географического детерминизма на массовое сознание, как бы к этой теории и ни относились представители научных кругов. В природный образ России включает-

ся «бескрайняя синь», «небесный цвет» и ее климатические особенности («мороз», «холод», «снег»).

Таблица 7. Модальные характеристики, связанные с символикой России (сравнительный анализ), в %

Модальные характеристики	2011	2019
Огромная, большая, простор, широта	21,3	31,8
Родина (отечество, отчизна)	37,4	30,0
Сильная	6,2	12,2
Петербург (Нева, мосты, белые ночи)	16,6	11,1
Держава	10,1	10,9
Природа	7,0	10,0
Великая	6,9	8,9
Коррупция	0,8	8,9
Москва	6,2	7,8
Путин	5,8	7,8
Богатая	12,3	5,6
Бедная	1,6	5,4

Источники: авторские данные.

В число географических объектов входит прежде всего «малая родина» респондентов — Петербург, причем в связи с родным городом называются не только традиционные символы (Зимний, Нева, «Аврора», белые ночи и разведенные мосты), но и личностные ассоциации («осенние туманы над Невой», «петроградский дворик», «Васькин остров» и т. п.). Москва, что было вполне ожидаемо, фигурирует реже и только своими культовыми объектами (Кремль и Красная площадь). Упоминания других российских городов, иные географические названия единичны.

В обоих опросах доминирует восприятие России как родины (отчизны, отечества, дома и др.), в целом эти символы России возникли у 37,4 % молодых участников опроса в 2011 г. и 30,0 % в 2019 г., т. е. у каждого третьего респондента.

Хочется особо обратить внимание на то, что почти в 70 % ассоциаций используется именно понятие «Родина», а не близкие по смыслу синонимы. Представляется, что это отражает модальность именно этой категории для русского сознания (неслучайно однокоренными к этому слову являются «народ», «роды» и «роженца»). С позиции этнопсихолингвистики это явный показатель того, что в народном сознании пребывает женский образ страны, неслучайно среди ответов появляется идиома «Русь-матушка». Объяснимо и то, что с Россией ассоциируются такие качества, как красота, любовь, щедрость, вера и доброта, т. е. психологически женские, а не мужские характеристики.

Противоречит ли это державному восприятию государства? Думается, нет. В мужских ответах, в отличие от женских, преобладают такие ассоциации, как «сверхдержава» (3,9%), мощная, могучая, славная, непобедимая, дающая отпор врагам, Россию отличают «честь», «мужество» и «героизм».

Государство — великая держава — это не столько реальность, сколько традиционный миф, подкрепляющий национальную гордость и самоуважение. Поэтому объектом патриотических чувств, которые, вне всякого сомнения, наличествуют у большинства участников опроса, становится именно Родина, в меньшей степени реальное российское государство и уж никак не государственная власть, которую отличают коррупция, воровство и несправедливость, возникшие при ответе на другие вопросы. Упоминаются также (опрос 2019 г.) черты россиян, которые прямо и косвенно подкрепляют негативные проявления органов власти — «разгильдяйство», «безответственность», «наплеватьство», «расчет на авось».

В целом символические ассоциации образа России чрезвычайно устойчивы, особенно это относится к природно-географическому восприятию страны и эмоциональному образу родины: во всех трех исследованиях эти ассоциации занимали ведущие места.

Этот факт, как и другие, о которых уже говорилось в связи с содержанием и направленностью социальных настроений молодежи, свидетельствует не только об устойчивости такой формы идентичности, но и о его положительной, пусть даже и не вполне осознаваемой, направленности. Потому что если человек любит родину, критическое отношение к институтам государственной власти все же не является определяющим для национального самосознания.

Динамика настроений и общие выводы

Если в отношении к России как к родине и как к державе динамика либо вовсе отсутствует, либо является незначительной, то в оценочных представлениях о власти фиксируются изменения.

1. В историческом сознании молодежи обнаружена позитивная динамика представлений о дореволюционном и советском периоде на фоне отсутствия динамики представлений о современном обществе и его преобладающей негативной оценки. Причем особая ценность исторического прошлого России (и советского, и имперского) в сознании молодежи состоит в том, что в эти эпохи Россия вела себя как великая держава. Именно в этом контексте воспринимается фигура Сталина как «успешного государственника», а не продолжателя дела Ленина.
2. При сравнении «советского общества» и «современного общества» зафиксированы изменения в символических ассоциациях в сторону увеличения численности ассоциаций, связанных с взаимоотношениями людей, и уменьшения числа политических ассоциаций.
3. Наблюдается рост протестных настроений, что обнаружено в ходе контент-анализа символических ассоциаций в исследованиях 1996, 2011 и 2019 гг., однако эти настроения носят в большей мере характер пассивного осуждения государственной практики, чем готовности к активному противодействию

власти. Это, на наш взгляд, связано с тем, что по сравнению с политизацией настроений 1990-х годов современное поколение все более погружается в проблемы частной жизни, а полноценно живет не столько в реальном, сколько в виртуальном пространстве.

Несбывшиеся социальные ожидания и общая тональность настроений способствуют формированию социального эскапизма. На фоне недостатков существующей социальной системы советское общество кажется предпочтительным, несмотря на его пороки, которые большинство молодых респондентов осознают не в полной мере. Советское общество наделяется достоинствами, прежде всего за счет все еще востребованных, но нереализованных сегодня ценностей — стремлению к справедливости и неприятию неравенства, которые оказываются самоценными не только для бывших советских людей, но и для современной молодежи. Свобода, ценность которой участники опроса осознают в полной мере, не может компенсировать отсутствие справедливости и обеспечения социальных прав.

Вместе с тем очевидно, что советские времена в символическом сознании современного молодого поколения — уже не реальное общество со своими достоинствами и недостатками, а некий остров Утопия, где царит всеобщее благоденствие. Примечательно, что советский эскапизм вовсе не означает для опрошенных петербуржцев возвращения к власти коммунистов. Иными словами, они хотели бы достоинства нашего времени (свободу, возможности самореализации и открытость) соединить с достоинствами прежней эпохи (справедливостью, взаимным уважением и порядочностью). Примечательно, что менее трети (29,6 %) участников опроса 2019 г. хотели бы переехать на постоянное место жительства в другую страну. И эти факты не могут не вызывать оптимизма, несмотря на критическое содержание настроений молодежи и эскапизм, направленный на идеализацию прошлого России.

Литература

1. *Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. М.: Мысль, 1966. 328 с.
2. *Поршнев Б. Ф.* Противопоставление как компонент этнического сознания. М.: Наука, 1973. 88 с.
3. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М.: Наука, 1979. 232 с.
4. *Левада Ю. А.* Советский человек. М.: Мысль, 1996. 300 с.
5. *Тощенко Ж. Т., Харченко С. В.* Социальное настроение. М.: Академия, 1996. 196 с.
6. *Ольшанский Д. В.* Массовые настроения в политике. М.: Прин-Ди, 1995. 238 с.
7. *Moscovici S.* Social representation: a historical view // *Psychological journal*. 1995. № 16 (1). P. 3–18.
8. *Markova I.* Towards an epistemology of social representation // *Journal for the theory of social behavior*. 1996. № 26 (2). P. 177–196.
9. *Moscovici S.* The Conspiracy Mentality // *Changing Conceptions of Conspiracy* / ed. by C. E. Graumann, S. Moscovici. New York: Springer, 1987. P. 151–169.
10. *Ziller R.* The Social Self. New York: Pergamon, 1973. 226 p.
11. *Тощенко Ж. Т.* Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // *СОЦИС*. 1998. № 1. С. 21–34.
12. *Ceron L.* Every tweet counts? How sentiment analysis of social media can improve our knowledge of citizens political preferences with an application to Italy and France // *New Media Soc*. 2014. № 16 (2). P. 340–358.
13. *Ravi K., Ravi V.* A survey on opinion mining and sentiment analysis: tasks, approaches and applications // *Knowledge-Based Systems*. 2015. № 89. P. 14–46.

14. Yang S., Mo S., Liu A. Twitter financial community sentiment and its predictive relationship to stock market movement // *Quantitative Finance*. 2015. № 15 (10). P. 1637–1656.
15. Luo W., Zhuang F., Cheng X., Shi Q. Ratable aspects over sentiments: predicting ratings for unrated reviews // *IEEE International Conference on Data Mining (ICDM)*. 2014. P. 380–389.
16. Cui Z., Feng Y. Can social sentiment affect spouse-based immigration? // *Applied Economics Letters*. 2019. № 26 (5). P. 413–417.
17. Сикевич З. В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 212 с.
18. Социальное бессознательное / под ред. З. В. Сикевич. СПб.: Питер, 2005. 348 с.
19. Этнопсихоллингвистика / под ред. Ю. А. Сорокина. М.: Наука, 1988. 197 с.
20. Ключевский В. О. Собр. соч.: в 9 томах. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.

Статья поступила в редакцию 24 августа 2020 г.;
рекомендована в печать 29 сентября 2020 г.

Контактная информация:

Сикевич Зинаида Васильевна — д-р соц. наук, проф., sikevich@mail.ru

Social attitudes of young Petersburgers*

Z. V. Sikevich

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sikevich Z. V. Social attitudes of young Petersburgers. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2020, vol. 13, issue 4, pp. 374–392.

<https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.402> (In Russian)

The article presents an empirical analysis of social expectations and attitudes of the modern young generation using the example of St. Petersburg. The study of this phenomenon is based on three studies conducted under the author's supervision in 1996, 2011 and 2019. The article is based on data from the 2019 study — 153 people. (Saint Petersburg, age group 18–29 years, quota sample by gender, all respondents are of Russian nationality). The questionnaire was compiled using the author's methods, in particular, the method of symbolic associations with subsequent content analysis of verbal constructs. In the body of the article, the dynamics of changes in the social attitudes of young people is demonstrated based on empirical research data. The change affected the perception of the basic concepts of national identity, such as “Russia”, the “Russian state” and “Russian power”. While there is almost no dynamics in the attitude to Russia as a Homeland, there are significant changes in the opinions towards the state and power. In relation to the government, there was an increase in protest moods, which was found during the content analysis of symbolic associations in the 2019 study compared to the 1996 and 2011 studies. In the historical consciousness of young people there is a positive dynamic of ideas about the pre-revolutionary and Soviet period against the background of the lack of dynamics of ideas about modern Russian society. When comparing “Soviet society” and “modern society”, changes in symbolic associations were recorded in the direction of increasing the number of associations related to human relationships and reducing the number of political associations. The article presents empirical data on the content of the national idea expressed by young people. Illustrative material for the article includes tables and histograms.

Keywords: social mood, social expectation, national identity, generation, relationships, national idea, state, symbolic association, content analysis.

* The article was prepared by the RFBR. Grant no 19-011-00219 “A model of interrelation between online and offline ethnicity”.

References

1. Parygin B. *Public Mood*. Moscow, Mysl' Publ., 1966. 328 p. (In Russian)
2. Porshnev B. *Opposition as an element of ethnic self-consciousness*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 88 p. (In Russian)
3. Porshnev B. *Social history and psychology*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 232 p. (In Russian)
4. Levada Yu. *Soviet man*. Moscow, Mysl' Publ., 1996. 300 p. (In Russian)
5. Toshchenko Zh., Harchenko S. *Social mood*. Moscow, Akademiya Publ., 1996. 196 p. (In Russian)
6. Ol'shanskij D. *Mass sentiment in politics*. Moscow, Prin-Di Publ., 1995. 238 p. (In Russian)
7. Moskovichi S. Social representation: a historical view. *Psychological journal*, 1995, vol. 16, no. 1, pp. 3–18.
8. Marková I. Towards an Epistemology of Social Representations. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 1996, vol. 26 (2), pp. 177–196.
9. Moscovici S. The Conspiracy Mentality. *Changing Conceptions of Conspiracy*, ed. by C. E. Graumann, S. Moscovici. New York, Springer, 1987, pp. 151–169.
10. Ziller R. *The Social Self*. New York, Pergamom, 1973. 226 p.
11. Toshchenko Zh. Social mood. *SOCIS*, 1998, no. 1, pp. 21–34. (In Russian)
12. Ceron L. Every tweet counts? How sentiment analysis of social media can improve our knowledge of citizens political preferences with an application to Italy and France. *New Media Soc*, 2014, vol. 16, no. 2, pp. 340–358.
13. Ravi K., Ravi V. A survey on opinion mining and sentiment analysis: Tasks, approaches and applications. *Knowledge-Based Systems*, 2015, vol. 89, pp. 14–46.
14. Yang S., Mo S., Liu A. Twitter financial community sentiment and its predictive relationship to stock market movement. *Quantitative Finance*, 2015, vol. 15, no. 10, pp. 1637–1656.
15. Luo W., Zhuang F., Cheng X., Shi Q. H., Z. Ratable aspects over sentiments: predicting ratings for unrated reviews. *IEEE International Conference on Data Mining (ICDM)*, 2014, pp. 380–389.
16. Cui Z., Feng Y. Can social sentiment affect spouse-based immigration? *Applied Economics Letters*, 2019, vol. 26, no. 5, pp. 413–417.
17. Sikevich Z. *Ethnic paradoxes and cultural conflicts in Russian society*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2012. 212 p. (In Russian)
18. *The social unconscious*. Ed. Z. V. Sikevich. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 348 p. (In Russian)
19. *Ethnopsycholinguistics*. Ed. Yu. Sorokin. Moscow, Nauka Publ., 1988. 197 p. (In Russian)
20. Klyuchevskij V. *Collected works in 9 volumes*. Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 430 p. (In Russian)

Received: August 24, 2020

Accepted: September 29, 2020

Author's information:

Zinaida V. Sikevich — Dr. Sci. in Sociology, Professor; sikevich@mail.ru